

УНИФИКАЦИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОФОРМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Т.В.Тукова

(кандидат филологических наук, доцент, Донецкий национальный университет)

В статті аналізуються напрями еволюційних змін граматичних форм роду, числа та відмінка іменників сучасної російської мови. З'ясовуються як сфера стандартизації, так і сфера диференціації варіативних форм. Розглядається вплив інтралінгвістичних чинників на розвиток морфологічної системи.

Trends in evolutionary transformations of the grammatical forms of gender, number and case in Modern Russian nouns are analyzed with much emphasis given to the spheres of standardization as well as those of differentiation and influence of intralinguistic regularities on the morphological system development.

Активизация динамических процессов в системе русского языка на современном этапе его развития детерминирована бурными социальными и политическими сдвигами на рубеже тысячелетий и связанной с этим психологической переориентацией носителей языка. «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее», – отмечал В.Гумбольдт (1, 70).

Подвижки происходят на всех ярусах языковой системы (2; 3; 4; 5). Коснулись они и самой устойчивой её части – морфологии. Под воздействием общественно-политических факторов в грамматической сфере не происходят такие радикальные изменения, как в лексике, напрямую связанной с жизнью социума. Однако экстралингвистические факторы стимулируют заложенные в грамматике потенции, что приводит в движение весь корпус существующих на синхронном срезе морфологических вариантов. Вариативность форм языка – показатель его витальности. Появление вариантных форм в грамматике обычно обусловлено интралингвистическими причинами – действием основного закона развития языка – закона системности. В современном языке как структуре заложены все схемы и модели грамматических образований. Исчезновение или появление новых средств и способов передачи грамматической информации можно наблюдать только на значительном хронологическом срезе. Таково, например, исчезновение форм двойственного числа имён существительных, элиминация разветвлённой системы форм прошедшего времени, звательного падежа субстантивов; развитие новых способов передачи количественных характеристик предметов до частеречных параметров имени числительного; образование лексико-грамматической группировки неизменяемых слов – наречий, а затем вычленение из неё беслично-предикативных слов, модальных и т.п. Исследователи отмечают, что язык не бывает тождествен самому себе даже на отрезке времени в десяток лет, не говоря уже о более длительных промежутках времени (6, 30). Наблюдение за эволюционными процессами в языке на синхронном его срезе связано с появлением и исчезновением вариантов. Установление хронологических рамок для таких изысканий бывает чрезвычайно затруднительным. Л.К.Граудина заметила, что «процесс эволюции грамматики-стилистической литературной нормы у разных типов грамматических вариантов протекает неодинаково» (4, 4–5). Она выделила три типа эволюции: низкодинамический, характеризующийся незначительным изменением состояния нормы в течение иногда не одного века; умеренно-динамический тип, отличающийся плавным сдвигом нормы на протяжении нескольких десятилетий; высокодинамический, отражающий сравнительно быстрые сдвиги в функционировании конкурирующих единиц (за 10–20 лет). При любом типе эволюционирующей нормы язык стремится найти выход из неуравновешенного состояния между означаемым и означающим, т.е. освободиться от избыточных средств выражения одной и той же информации. Разрешение проблемы возможно двумя основными путями: унификации сосуществующих морфологических единиц или их специализации, отражающих философский закон диалектики о взаимодействии формы и содержания. Наблюдение над этими двумя направлениями изменений в сфере имён существительных русского языка и стали целью данной статьи.

Унификация грамматических форм как выход из состояния избыточности в языке работает постоянно, проявляя действие принципа аналогии. Мощное давление формы прослеживается в упорядочении парадигм склонения и спряжения всех частей речи современного русского языка.

Довлеющий характер формальных признаков граммем особенно показателен в тех случаях, когда описываемые грамматические категории имеют классифицирующий характер таких, например, как род имён существительных. Любое слово русского языка – существующее в нём давно, вновь образованное или заимствованное – должно манифестировать классифицирующие грамматические признаки. В языках

синтетического типа, к которым относится и русский, в большинстве случаев такая грамматическая информация выражается эксплицитно с помощью специализировавшихся в этой сфере аффиксов.

В сфере имён существительных выравнивание по формальным показателям наблюдаем, прежде всего, в родовых характеристиках неодушевлённых субстантивов с асемантической категорией рода. Они попадают под действие принципа аналогии в результате давнишней специализации флексий *-е, -о, -а* и нулевой для выражения грамматизированной в языке информации о роде субстантивов при невозможности учёта семантики лексемы при установлении родовой принадлежности имени. Обращают на себя внимание существительные с суффиксами субъективной оценки (3; 4), которые обычно закрепляют за собой род производящего субстантива: *дом – домишко, домище, домина; борода – бородаща; поле – полюшко*. Однако в разговорной речи и просторечии под давлением финальных звуков деминутивов и пейоративов, маркирующих в системе русского языка средний (е, о) или женский род (а), происходит смешение родовых вариантов: *домишко красивый – домишко красивое, новый домина – новая домина, сильный голосище – сильное голосище* и проч.

Адаптирующиеся русским языком несклоняемые заимствованные неодушевлённые имена существительные с финалиями на *-о, -е, -и* также могут варьироваться в роде (7; 8): *болеро, ср. и м. р.; виски, ср. и ж. р.; кепи, ср. и ж. р.; манго, м и ср. р.; наргилé, ср. и м. р.* и проч. Варьирование в таком случае поддерживается не только схожестью и формальностью облика, но и тем, что неодушевлённые заимствованные субстантивы обычно получают в русском языке средний род, а соотношение с семантически близким родовым обобщающим словом даёт возможность идентифицировать родовую принадлежность и по нему: *болеро – танец, виски – водка, кепи – кепка, манго – фрукт, наргилé – курительный прибор, пенальти – удар*.

Противостоят давлению формы может действие принципа традиции. Слово *кофе* в разговорном стиле реализуется как слово среднего рода под воздействием формальной аналогии, однако грамматическая традиция прошлого века прочно удерживает его идентификацию по мужскому роду. Сравним в текстах: *Мой завтрак – это **черный кофе** и сигарета* (Метро. – 2005. – № 4); ***Кофе** неплохо взбодрило ночь, и 15 минут спустя мы отправились в масайскую деревню* (Зефир. – 2005. – №10).

Ориентир на семантический компонент опорного слова при определении родовой характеристики аббревиатур также может нарушаться под воздействием формы. Чаще всего это происходит в компрессированных образованиях на твердый согласный: *вуз, МИД, ТАСС, ЧОП, РАГС, МАПРЯЛ, ВАК, КАД, ЦИК*. При ключевых словах среднего и женского рода подобные аббревиатуры потребителями лингвистической информации и лексикографами (9; 10) идентифицируются как слова мужского рода: *новый вуз; «ТАСС уполномочен заявить»; наш РАГС; МАПРЯЛ организовал; с ВАКом; от этого КАДа; о ЦИКе* и прочее. Соответствие внешней форме слова – сокращения – наблюдаем и в случаях финальных гласных. Так, типичен переход в разряд слов среднего рода и у частотных русских аббревиатур на *-о, -э*: *Ворошиловское району, РОЭ повысилось* и проч. Доминантой в определении рода может становиться фонетический облик финальной части аббревиатуры: *ГБ* <гэбэ> женского и (разг.) среднего рода, *ГКЧП* <гэкачэп> мужского и (разг.) среднего рода. Примеры из «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н.Скляревской (10) демонстрируют стилистическую сферу действия этой тенденции в узусе.

Устойчиво сохраняющуюся родовую вариативность, возникающую под воздействием, с одной стороны, содержательного, а с другой – формального начала находим в случаях пересекающихся парадигм согласующихся зависимых слов при субстантивах с вариативным мужским и средним родом как в официальном (*КЭО – квартирно-эксплуатационный отдел*), так и в разговорных, жаргонных именовании (*ламо́, информ. жарг. ламер*). Впрочем, жаргонная сфера дает примеры развития вариантов разных родов. См. в словаре под редакцией Г.Н.Скляревской: *писишка* (информ.) мужского и женского рода, *эхо/эха* (литерат.) среднего и женского рода (10).

Причиной попадания в зону активного варьирования может стать и конечный палатальный сонорный звук: *вермишель, толь, тюль, картофель, мозоль, шампунь, наштавь* и проч. Мягкая основа в русском языке чаще всего является грамматическим маркером третьего типа склонения имён существительных, т.е. означает принадлежность к словам женского рода, однако сложность истории грамматической оформленности этой группы слов не подтверждает универсальности такого подхода. В лексикографической практике современного русского языка встречаем регистрацию двойной родовой принадлежности слова, например, *псалтырь* и мужского, и женского рода. Родовое варьирование иногда связано с фонематическим (ср. *выгар* м. р. и *выгарь* ж. р.), отражая грамматическую нагруженность буквы *ь* в русском языке.

Аналогичная морфологическая модель также может способствовать родовой маркировке имени. Например, по аналогии с многочисленной группой имён женского рода на *-ость* слово *жимолость* утвердилось в женском роде (4, 95).

Действие мощного закона системности проявляется и в пределах словоизменительной категории числа имён существительных. Обязательность числового оформления субстантива вместе с возможностью образовать формы двух чисел большинства конкретных имён существительных детерминировали способность к развитию бинумеральности у ряда абстрактных, вещественных и собственных *singularia tantum*: *сложность – сложности, мощность – мощности, риск – риски, инициатива – инициативы, поиск – поиски, просчёт – просчёты, фарфор – фарфоры, масло – масла, вино – вина; Таня – Тани, Соловьёв – Соловьёвы, Гоголь – Гоголи* и т.п. Формы числа в таких случаях выражают не реляционные количественные характеристики, а носят деривационный характер. Производные отличаются от производящих компонентами лексического значения. Происходит специализация форм множественного числа отвлечённых для выражения конкретных проявлений абстрактного понятия; конкретных предметов, обладающих качествами, названными производящим *singularia tantum*; значений интенсивности длительности состояния и т.п. Такая способность русских отвлечённых субстантивов радирует и на заимствованные слова: *Много дудок, гитарные драйвы, но мы совершенно отказались от электронных инструментов* (Ровесник. – 2000. – № 8. – С. 19).

Искони для обозначения множества предметов в русском языке использовались собирательные формы. Однако постепенно наметилось стремление к дифференцированию этих форм по значению как в грамматическом, так и в лексическом плане. Формы множественного числа стали обозначать дискретное множество предметов, а собирательные – недискретное: *кол – колы и колья, гроздь – грозди и гроздя, крюк – крюки и крючья, профессор – профессора и профессура, матрос – матросы и матросня* и прочие. В силу тенденции к сокращению собирательных форм количество таких тернарных оппозиций в современном русском языке невелико. Показательна специализация по лексическому значению: *лоскуты* (большие куски ткани, бумаги, кожи, земли) и *лоскутья* (лохмотья, клочки чего-либо); *зубы* (у живых существ) и *зубья* (у пилы, расчёски, бороны); *корни* (у растения) и *коренья* (об овощах); *листы* (бумаги, железа) и *листья* (на дереве) и прочее. Семантическое размежевание может сопровождаться и стилистической маркировкой: *мужи* (государственные деятели) книжн. и *мужья* (в семье); *учители* (великие) и *учителя* (школьные); *сыны* (родины) книжн. и *сыновья* (о детях); *колени* (части ног), *колена* (части музыкального произведения) и устаревшее *колена* (поколения), *коленья* (спец. – сочленения в составе стебля растений, части сгиба чего-либо) и т.п.

Подобная специализация наблюдается и при конкурирующих формах множественного числа в именительном падеже на -ы / -а, например: *корпус – корпусы* (людей, животных), *корпуса* (домов, судов); *лагерь – лагеря* (летние, туристические), *лагери* (враждующие). Дифференцирующую функцию могут выполнять эти флексии и при формообразовании от омонимов: *меха* (пушистые, натуральные) – *мехи* и доп. *меха* (кузнечные); *тока* (молотильные) – *тока* (глухаринные) – *токи* (электрические); *рода* (оружия) – *роды* (старинные) и т.п.

В выравнивании падежных форм активно воздействуют принципы аналогии и экономии. Анализ выхода из вариантности форм генитива во множественном числе показывает в узусе превалирование короткой формы: 1) у существительных женского, среднего и мужского рода с основой на мягкий согласный или шипящий (*ясель – яслей, пашен – пашней, барж – баржей*); 2) у существительных среднего рода, оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на -ье (*ущелий – ущельев, верховий – верховьев, угодий – угодьев*); 3) у существительных среднего рода на -це (*полотенец – полотенцев, щупалец – щупальцев*); 4) у существительных мужского рода на твёрдый согласный (*граммов – грамм, гусар – гусаров, бедуин – бедуинов*) (4, 177–191).

О продуктивности такого движения свидетельствуют словари последнего десятилетия. Так, вновь возникающие единицы измерения дают вариативные формы *битов* и *бит*, *гигабайтов* и *гигабайт* (4). Рекомендации лексикографов могут быть противоречивы. Так, Л.К.Граудина утверждает, что «бытовые единицы измерения веса *грамм* и *килограмм* в устной речи употребляются в подавляющем большинстве с нулевой флексией. В письменной же речи под воздействием редакционной корректуры в настоящее время употребляются исключительно формы *граммов* и *килограммов*» (4, 178). Наблюдения над этими словоформами в словаре С.И.Ожегова различных лет показывают движение от императивной материально выраженной флексии (11) через размежевание в письменной и устной речи (12) соответственно более длинных и коротких словоформ до подачи без каких-либо помет на первом месте формы *грамм*, а затем *граммов* (13). В «Русском орфографическом словаре» (отв. ред. В.В.Лопатин) подчеркивается важность размежевания обычного указания на меру веса (*граммов, килограммов*) и счётной формы с вариантами *грамм* и *граммов* (14). Специализация грамматической формы генитива фиксируется и при необходимости акцентирования собирательного значения у названий лиц по принадлежности к воинским соединениям или при обозначении отдельных лиц: *драгун – драгунов, кирасир – кирасиров, янычар – янычаров* и т.п. Лексические расхождения с помощью грамматической формы генитива происходят в случаях: *кулон* (единица измерения) и *кулонов* (украшений); *кадет*

(воспитанник военного заведения) и *кадетов* (членов конституционно-демократической партии) и др.

Экспансия флексии -е в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода на твёрдый согласный (*в цехе – в цеху*) объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, перегруженностью словоформ на -у ограничениями, сужающими круг их употребления. Так, варианты с флексией -у встречаются только в сочетании с предлогами *в* и *на* в обстоятельственном значении места, реже состояния или времени (*в шкафу, на берегу*). Флексию -у принимают лишь неодушевлённые имена, преимущественно с односложной основой, с устойчивым ударением на основе в других формах единственного числа и с ударением на флексии в формах множественного числа (*лес – в лесу*). Во-вторых, специализацией значений вариантных флексий в отдельных лексических парах. Известна дифференциация лексем по препозиционалу: *в электрическом токе – на молотильном току – на глухаринном току; в тёмном углу – в прямом угле; в замкнутом круге – в спасательном круге – в кругу друзей – в круге/кругу вопросов* и проч. (15). В-третьих, процессом фразеологизации и онаречивания отдельных предложных сочетаний с флексией -у: *задышаться на бегу, держать на весу, ловить на лету* и т.п.. В-четвертых, различием сфер применения (книжная / нейтрально-литературная или разговорная / просторечная): *в отпуске – в отпуску, в чане – в чану, на смотре – на смотре, на холоде – на холоду, на крюке – на крюку*. Однако относительно вариантов *в аэропорте – в аэропорту* лексикографы расходятся в предпочтениях. Л.К.Граудина рекомендует флексию -е (4,193), а в последнем орфографическом словаре называется единственной, не предполагающей вариантов форма *в аэропорту* (14, 34). «Новый орфоэпический словарь русского языка» дифференцирует: *об аэропорте, но в аэропорту* (16, 23).

Структурная устойчивость языка обеспечивается стабильностью его морфологической системы, которая со временем довлеет над рядом отступлений, охраняемых принципом традиции. Изменения в формах косвенных падежей во множественном числе субстантива *церковь* – яркое тому подтверждение. Традиционно в справочниках отмечалась обязательность смены палатальной основы именительного падежа твёрдой в формах множественного числа дательного, творительного и предложного падежей. Во всех изданиях однотомного словаря С.И.Ожегова даются формы *церквам* (11; 12; 13). Таково же мнение редакторов стереотипного орфографического словаря С.Г.Бархударова, И.Ф.Протченко, Л.И.Скворцова (17). На единственной форме с твёрдой основой настаивают и авторы комплексного справочника «Русская речь в эфире» (18). Принадлежность данного имени существительного к третьему типу склонения привела к подвижкам в сторону типичных мягких основ в парадигме склонения по типу *свекровь – свекровям, свекровьями, о свекровях*. Сначала факт появления вариантов *церквам / церквям* под давлением системы зафиксировали орфоэпические словари (19, 16), а затем и последний «Русский орфографический словарь» (14). Форма с палатальной основой помечена Г.Н.Скляревской как разговорная (10). Унификация форм по отработанной языком модели оказывает мощнейшее воздействие на слово, активизировавшиеся в последнее десятилетие в употреблении под воздействием экстралингвистических факторов. Узус демонстрирует варьирование словоформ по прототипическим моделям. Словарная грамматика в современных условиях становится особенно актуальной. Не умаляя значимости выявления и описания общих закономерностей движения в языке, охватывающих большие массивы лексем, полагаем важным проследить судьбу и лексикографическую фиксацию отдельных словоформ, некогда имевших особые парадигмы или вырабатывающие таковые в ходе функционирования. Так, новообразование *гривня*, возникшее для именованной денежной единицы Украины в конце XX века, сразу дало варианты в именительном падеже множественного числа: *гривни* (по мягкому типу основы) и *гривны* (под влиянием ранее существовавшего имени *гривна* с формой множественного числа *гривны*). Больше десяти лет эти варианты сосуществуют в узусе. По высокодинамическому пути эволюции пошли возникшие в первый год введения в лингвистический оборот денежной единицы варианты с предлагаемой системой флексиями -ей, -ов, -ев и нулевой. Унифицировался вариант с нулевой флексией. Однако характер основы в косвенных падежах у существительных на -ня в русском языке может быть как мягким (типа *барышня – барышень*), так и твёрдым (*вишня – вишен*). По наблюдениям исследователей, большее распространение получил второй вариант. Однако в речи рецидивы по мягкому типу (*гривень*) встречаются до сих пор. Система, как всегда дает больше возможностей, чем норма.

Для дифференциации различных лексических или лексико-грамматических единиц в русском языке может использоваться их склонение по различным моделям. Так, омонимичные собственные наименования лица и населенного пункта разграничиваются с помощью форм косвенных падежей *Дарвиным – Дарвином*. Специализация форм склонения наблюдается и в случаях необходимости градации нарицательного и собственного имени: *воробей – воробья, воробью, но Воробей – Воробья, Воробею*.

Ареной «грамматических сражений» становится и свойство изменяемости / неизменяемости имён существительных. Стремление языка к унификации обычно приводит к развитию прототипических форм

склонения. Даже недавно возникшие аббревиатуры при частотном использовании становятся склоняемыми. Особенно активно вовлекаются в этот процесс акронимические сокращения на твёрдый согласный, идентифицирующиеся как существительные мужского рода и склоняющиеся по соответствующему типу склонения. Словарь активной лексики начала XXI века даёт варианты несклоняемых и склоняемых аббревиатур: *АОН, ОБЭП, ПБОЮЛ, РУБОП, РУОП, СОБР, ЦИК, ЧОП* и др. (10).

Сила тенденции к грамматической унификации в языке синтетического флективного типа отражается в приобретении аффиксов падежных словоформ заимствованными словами, манифестирующими включение вошедших в русский язык лексем в типовые парадигмы. На первом этапе грамматической адаптации слово идентифицируется в частеречном отношении, т.е. осознаётся его общеграмматическое значение, отражённое в наличии грамматических категорий русского языка, выявляются возможные синтаксические позиции. На этой стадии оно может сохранять неизменяемость языка-донора, ср.: *рефери, камикадзе, кутюрье, гуру* и проч. (7). Присущая ему грамматическая информация манифестируется аналитически или синтагматически с помощью флексий признаков слов, ср.: *Главное – желание выглядеть уместно и нежелание вступать в безрезультатно-умножительные споры с секьюрити* (Flesh! – 2003. – 1 января. – С. 35); *Банку по силам оплатить рекламные услуги информационным масмедиа* (Комсомольская правда. – 2006. – № 44. – С. 26); *Фирма Акватюр проводила пати, на котором решались региональные проблемы продаж* (Комсомольская правда. – 2006. – № 59. – С. 5); *Уютный praxis* доктора Александра Поволоцкого (Бизнес. – 2003. – 29 сентября. – С. 40). По мнению А.А.Колесникова, синтагматическая парадигматика ущербных имён существительных современного русского языка сдерживает грамматикализацию расчленённых средств выражения значений категорий (20, 81).

Неизменяемость может остаться маркером заимствования на длительный период. В «Словаре несклоняемых слов» Н.П.Колесникова собрано около 2000 единиц (8). Однако в большинстве случаев наиболее употребительные слова приобретают способность к эксплицитному выражению отношений предметов в действительности с помощью падежных флексий. Смотрим, например, в словаре под ред. Г.Н.Скляревской (10): *хай-тек* и *хайтек*, -а и нескл.; *гринпис*, нескл. и -а и под. Флективная презентация падежного значения возможна даже на этапе графической неадаптированности слова: *Заслуга художника не в том minimum'e содержания, какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа* (Потебня А. Эстетика и поэтика); *Юлия Григорьева, по e-mail* (Glamour. – 2006. – март. – С.30); *«Из sex-bomby я ушла в домохозяйки»* (Комсомольская правда. – 2006. – № 59. – С. 5); *Ищите истину в SECOND HANDe* (Донбасс. – 2006. – № 30. – С. 7); *На смену старым телефонам пришли smart'фоны* (Mobility. – 2006. – № 3. – С. 1); *Этап чемпионата DJuice – Golla – городской* (Комсомольская правда. – 2006. – № 59. – С. 39).

Родовая принадлежность, обуславливающая распределение заимствованных слов по типам склонения, и характер основы детерминируют флективные показатели падежа в формах единственного и множественного числа: *Польско-американский фонд Свободы и Польско-американская комиссия фулбрайта* объявляют конкурс (Донбасс. – 2006. – № 32. – С. 24); *Они считают, что процесс перевоспитания и социальной адаптации подростков, преступивших границу закона, лечение их души – дело всего общества, в котором эти дети родились и росли* (Товарищ. – 2006. – № 17. – С.9); *Это будет сокрушительный удар по имиджу страны* (Наша газета. – №6. – С. 11); *Питер Бангли был спичрайтером президента Л.Джексона* (Арт-Мозайка. – 2006. – № 9. – С. 10), *Два раза набирали долгожданное очко в овертайме* (Спорт-арена. – 2006. – № 22. – С. 11); *Бигборды глубинки* (Донбасс. – 2006. – № 44. – С. 14); *Пятилетние перерывы между последними тремя релизами* (Арт-Мозайка. – 2006. – № 9. – С. 12); *На сайтах украинских частных агентств гарантируют соблюдение законов Украины* (Сегодня. – 2006. – № 64. – С. 11).

Изменяемость/неизменяемость может становиться смысловозначительным средством. Например, при разграничении носителей фамилий на согласный по мужскому и женскому полу (к *Мельчуку Николаю* – к *Мельчук Екатерине*) или дифференциация собственных и нарицательных (у *кота* – у *Кот* *Ивана*) и др. Таким образом, специализированная грамматическая форма отражает тенденцию к смысловой точности высказывания, являющуюся одной из ведущих в развитии современного русского языка.

Как показал анализ, на современном этапе жизни русского языка даже в максимально устойчивом морфологическом строе наблюдаются изменения. Эволюция грамматической организации субстантивов в русском языке идёт по пути стандартизации словоформ давно существующих в языке, вновь возникающих и заимствованных из других языков. Изменения происходят в соответствии с основным законом системности. Активное взаимодействие принципов аналогии, экономии и традиции приводит к унификации грамматических форм. Стремление к точности, уход от нивелировки смыслов под давлением формы активизировали специализацию словоформ. Антиномия двух рассмотренных направлений

эволюции языка – унификация и специализация – позволяет морфологической системе находиться в состоянии равновесия, сохраняя национальную специфику русского языка и адекватно отражая потребности бурно меняющейся на рубеже тысячелетий действительности.

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001.
3. Горбачевич К.С. Вариативность слова и языковая норма. – Л., 1978.
4. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М., 2004.
5. Серебрянников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М., 1968.
6. Юдакин А.П. Эволюционная типология в помощь ностратике // Филологические науки. – 2006. – № 1.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2001.
8. Колесников Н.П. Словарь несклоняемых слов // Колесников Н.П. Лексико-грамматический словарь русского языка. – Ростов н/Д, 1996.
9. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. – М., 1977.
10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. /Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М., 2007.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1953.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1981.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
14. Русский орфографический словарь. – М., 2007.
15. Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. – М., 2000.
16. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. – М., 2005.
17. Орфографический словарь русского языка /Под ред. С.Г.Бархударова и др. – М., 1974.
18. Иванова Т.Ф., Черкасова Т.А. Русская речь в эфире. Комплексный словарь-справочник. – М., 2000.
19. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. – М., 1983.
20. Колесников А.А. Аналитизм в грамматической системе современного русского языка. – Измаил, 1992.